

Кира Тигрис

ДНЕВНИКИ ДЖИНА

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Т39

Тигрис К.

Т39 Дневники Джина / К. Тигрис — М. : Импринт Эйфория /
RUGRAM, 2022. — 346 с. — (Академия Магиров).

Что делать, если один твой друг оказался джинном, а второй дружит с домовыми и русалками? Он — обычный голубоглазый парень, что появляется по первому ее зову и не пропускает мимо ушей ни одного ее желания. Она нисколько не догадывается, что он — самый сильный и могущественный нэльвирский принц, навеки заточенный в проклятое кольцо коварной родной сестрой. Теперь он вечный раб чужих желаний, которому ни в коем случае нельзя дарить свободу, а тем более — влюбляться...

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-92458-5

© Кира Тигрис, текст, 2022
© Ирина Субач, Анастасия Рогочая,
обложка, 2022
© Импринт Эйфория,
оформление, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Автор выражает огромную благодарность блогеру, визажисту, косплееру и гримеру Rogona (Анастасия Рогочая) @rogona (TikTok) @rogona_takeup за поддержку и создание прекрасного волшебного образа для обложки книги.

Глава 1

Маленький джинн

Отрывок из дневника автора

Понедельник. Холодно. Сонный город в плену дождя, солнце спряталось за семью черными тучами. Весь мир продрог и превратился в серую дымку мелких капель противной затяжной измороси. Электричка опаздывала, на платформе — безлюдно. Я сидела на лавочке, съезжившись от холода, прячась от настырных капель под стареньким зеленым зонтиком. Обычно я никогда не сажусь на мокрое, но после чтения четырех лекций в университете мои силы были на исходе. Сухих мест совсем не было, так что о мягком диване и горячем чае с корицей приходилось только мечтать.

На моих коленях свежие страницы нового романа жадно глотали холодные капли. Я пыталась защитить их рукой, уж очень хотелось осилить хотя бы первую главу. Когда-нибудь я закончу свою рукопись, и, надеюсь, моих читателей не сможет оторвать от книги даже проливной дождь.

— Тысяча извинений, — я вздрогнула от мягкого бархатного баса прямо над головой, — не подвинетесь?

Вокруг было не менее трех абсолютно свободных и насквозь мокрых лавок. И почему же кто-то желает «вытереть» именно мою?

Я резко подняла голову. Рядом стоял молодой парень, высокий и стройный, не старше двадцати лет. Его черная плащ-накидка, словно с последней цирковой распродажи, несмотря на дождь, была абсолютно сухой. А вот поля насквозь промокшей деловой шляпы угрожающе клонились вниз. На бледном лице, как сапфиры на снегу, сияли яркие голубые глаза. Длинные, почти до пояса, огненно-рыжие волосы промокли до последнего кончика. Сколько лет преподаю в университете, все равно не могу запомнить всех своих студентов. Во время сессии, горячей поры зачетов и экзаменов, моя память на лица часто дает сбои. Ума не приложу, как можно было не запомнить эти рыжие волосы и небесно-голубые глаза? Такой удивительный союз огня и льда.

— Присаживайтесь, — улыбнулась я, посчитав, что он просто пришел за зачетом.

— Благодарю! — кивнул рыжий, желая скорее начать разговор, — погода глаз не радует. Всех троллей смыло.

— Да, огорчение! — уместно подкорректировала я, подразумевая под «троллями» возмущенных мокрых воробьев, жавшихся под лавочкой, — вы с курсовой...

Я не закончила, уставившись на его тонкие запястья. Точнее, на пару тяжелых серебряных браслетов, обвившихся вокруг них блестящими змеями. Из их раскрытых ртов, словно ядовитые жала, торчали обрубки крепких цепей. Наверное, это был признак особого положения в современном молодежном обществе. Хотя, может быть, парень просто не знал, как их снять.

— Любопытнейшая вещица, — он указал взглядом на книжку, беспомощно мокнущую в моих руках, — впрочем, прочтите пару страниц из середины, и еще столько же в конце. А остальные пусть смоет дождь. Неужели столь интересно?

— Нет еще... — покачала я мокрым зонтиком, имея в виду, что начала читать всего пару дней назад.

— Кстати, то, что пишете вы, еще хуже, — перебил он, — ничего личного. Какие книги, такие судьбы.

Бах! Я оскорблено захлопнула свой недочитанный роман, в стороны разлетелись мельчайшие брызги. С чего он взял, что я тоже что-то сочиняю? Ведь и действительно пишу, но только мало кто знает. И как догадался, что за книга сейчас в моих руках?

— Весьма мило с вашей стороны! — буркнула я, бросив свой самый оскорбленно-недовольный взгляд в эти синие глаза под длинными огненными ресницами, — так сколько, говорите, у вас осталось пересдач?

— Тысяча химер, простите, — неуклюже улыбнулся он, вероятно вовремя вспомнив о своем еще не полученном зачете, — не хотел вас обидеть! Но вы пишете свои сказки, совершенно не веря в чудеса.

Он ловко снял свою промокшую шляпу и бесцеремонно выжал ее в ближайшую лужу. Я притворилась, что не заметила, как часть брызг долетела до меня. Ну и студенты теперь пошли!

Странно, жаркое солнечное лето сбежало из города всего пять дней назад, а мой собеседник сидел такой бледный, словно первый ноябрьский снег. На его пальце блеснуло тонкое серебряное кольцо, острый осколок яркого бирюзового камня был зажат между двумя змеиными головами. Очевидно, старинная семейная реликвия.

— Ближе к делу, Кира, — он выбросил шляпу в ближайшую урну и продолжил таким вдохновенным тоном, будто снова собирался меня оскорбить, — ваша электричка опаздывает, но не сильно. Бабуля вот-вот снимет со стоп-крана свою авоську. И, чтобы скоротать минутку, предлагаю меняться не глядя.

— Что?! — выпалила я, не столько ошарашенная поведением бабули, сколько его предложением меняться, чем попало.

Рыжий накинул безразмерный капюшон своего черного плаща. Половину лица проглотила тень, электрически-голу-

бые глаза вспыхнули, как у кошки. Наглый незнакомец, разозливший и перепугавший меня вконец, совершенно забывал моргать.

— Гоблинское тряпье! Плащ не промокает и не горит, хозяин всегда сух и цел, — коротко объяснил он, — итак, обмен не глядя!

С последними словами он выхватил из моих рук нечитанную книжку, вытащив из-за пазухи стопку потрепанных тетрадных листов, синих от ровных строк школьного почерка.

— Что... за? — я изумленно уставилась на новоявленную макулатуру, за моей выпрямившейся спиной закашлял гром, — если это ваша курсовая работа, то вчера был последний срок! И вообще, нужен печатный вариант!

— О, нет-нет, — ответил он, указывая на листы горящим небесным взглядом, — это гораздо интереснее ваших кинематических схем и диаграмм плавкости.

— Так вы все-таки не сдали курсовую? — начала я.

— А вы все-таки мне не верите? — закончил он, торжественно вручая мне всю кипу, — хотя, как же вы мне поверите, если вы не верите даже в меня...

Я громко недовольно цокнула и принялась рассматривать макулатуру, на которую только что невольно променяла свою новенькую книгу. Вертела в руках, перелистывая один за другим, потрепанные листы, кем-то аккуратно сложенные в стопу. Подростковый почерк был то ровным, почти идеальным, то вдруг становился неряшливо размашистым, и слова наперегонки прыгали через строчки. Где-то мелькнул рисунок, кажется, обычный чернильный человечек. Он помахал мне рукой и успел показать язык. В сознании крохотной молнией мелькнула догадка.

— Это же, — воскликнул я, ободряемая довольной улыбкой незнакомца и очередным раскатом грома, — это дневник подростка!

— Верно, — кивнул он, — но, слепая горгулья! Я бы... простите, это не вам... я бы не поперся в такую даль ради одного